

положение итальянского вопроса. Император тоже чувствовал себя нехорошо; онъ страдаетъ постоянно и довольно сильною болью въ бедрѣ, которая вовсе не позволяетъ ему вздѣть верхомъ.

— Въ *Indépendance Belge*, 17-го (5-го) октября, читаемъ:

«Затишье, наступившее въ политическомъ мѣрѣ послѣ конвенціи 15-го сентября, только наружное. Дипломатія занята изысканіемъ средствъ къ общему соглашенію между всеми державами. Все взаимно, осторожно испытываютъ другъ друга и, съ этой точки зрѣнія, свиданія государей и разбѣды политическихъ лицъ имѣютъ большую важность. Все убѣждены, что готовится нѣчто очень крупное, и предположеніемъ нѣтъ конца; но замѣчательно, что все они въ духѣ мира и согласія. Нашъ парижскій корреспондентъ полагаетъ, что Франція добивается всеобщаго обезоруженія и гарантіи европейскаго мира; она намѣрена даже, какъ слышно, подать Европѣ примѣръ антивоинственной демонстраціей.

— Последнія извѣстія, которыя герцогъ Маджентскій прислалъ изъ Алжиріи, болѣе успокоительны, чѣмъ прежнія. Несмотря на всѣ жертвы, герцогъ рѣшился овладѣть нѣкоторыми пунктами и, благодаря принятымъ мѣрамъ, вскорѣ можно будетъ остановить дальнѣйшее распространеніе возстанія. Новыхъ подкрѣпленій маршалъ не требуетъ.

— Въ «Мониторъ» пишутъ изъ Нью-Йорка, что приготовительныя работы для устройства телеграфа изъ Америки чрезъ Беринговъ проливъ и Сибирь въ Европу, уже начаты. Инженеръ Ковей уже уѣхалъ съ своими помощниками въ С.-Франциско, чтобы отсюда отправиться въ Колумбію для изученія зимою мѣстныхъ условий. Если надежды предпринимателя Коллинса осуществятся, то въ концѣ 1866 г. уже будетъ открыто телеграфное сообщеніе между Нью-Йоркомъ и Петербургомъ.

ПРУССІЯ. Въ то время, какъ вѣнскія министерскія газеты повторяютъ, что конференція по датскимъ дѣламъ близится къ концу, и что миръ съ Давією будетъ заключенъ раньше конца октября, берлинскія газеты и корреспонденціи утверждаютъ, что дѣло не подвинулось впередъ такъ далеко, и что остается разрѣшить еще много спорныхъ вопросовъ. Быть можетъ, противорѣчіе происходитъ отъ того, что для Пруссіи выгодно отерочить ожидаемое рѣшеніе и что она въ этихъ видахъ старается успокоить нетерпѣвѣ публики.

АВСТРІЯ. Судя по вѣнскимъ газетамъ, австрійскія войска не помышляютъ объ очищеніи эльбскихъ Герцогствъ, пока тамъ останутся Пруссаки; но Австрія предложила Союзному Сейму прекратить экзекуцію и вызвать изъ Голштиніи союзное войско.

ИТАЛІЯ. *Туринъ, 7-го октября (25-го сентября).* Въ настоящее время, общественное мнѣніе всей Италіи занято конвенціей и, судя по всемъ провинціальнымъ газетамъ, огромное большинство народа объявляетъ себя въ ея пользу.

— Въ «Кельнскую газету» пишутъ изъ Турина, отъ 10-го октября.

Римскій дворъ считаетъ трактатъ 15-го сентября настоящимъ соглашеніемъ съ революціей. Поведеніе французскаго правительства кажется крайне обиднымъ для папскаго двора. Вопросъ объ обезоруженіи все еще не рѣшенъ, но какъ только узнали, что Австрія тоже подаетъ видъ, что желаетъ уменьшать свою армию, то нѣсколько успокоились, и благодаря итальянской военной организаціи, министерство надѣется сократить расходы, не выпуская совершенно изъ рукъ оружія. Намѣрены уволить въ безрочный отпускъ всѣхъ солдатъ, прослужившихъ уже два года, и оставить только кадры. Во флотъ предполагается сдѣлать еще большія сбереженія. Въ Туринѣ теперь совершенно нѣтъ полиціи, потому что, какъ извѣстно, послѣ событій 21-го и 22-го прошлаго мѣсяца распустили всѣ полицейскіе солдаты. Правда, декретъ о преобразованіи карабинеровъ появился четыре дня тому назадъ въ официальной газетѣ, но приведеніе его въ исполненіе еще не началось. Не смотря на то, въ Туринѣ господствуетъ полнѣйшая безопасность.

— Въ «*Osservatore Triestino*», сообщено содержаніе ноты, отправленной кардиналомъ Антонелли въ отвѣтъ на депешу Друзъ-де-Люиса къ г. Сартижу.

«Въ отвѣтъ на ноту отъ 12-го сентября кардиналъ Антонелли отправилъ къ монсеньору Киджи депешу, въ которой объявляетъ, что папское правительство не можетъ считать сдѣланнаго ему сообщенія ни *основаніемъ для рѣшенія вопроса въ будущемъ, ни документомъ, требующимъ отвѣта.* Правительство его святѣйшества *будетъ внимательно слѣдить за ходомъ событій, оставляя за собою право сообразовать съ ними свое поведеніе.* По своей формѣ римская нота полна вѣжливости и мягкости; впрочемъ, полученіемъ ея въ Парижѣ объясняется обнародованіе французской депеши къ графу Сартижу въ «Мониторѣ». Для принятія этой послѣдней мѣры ожидали отвѣта изъ Рима или, можетъ быть, напечатаніемъ депеши Друзъ-де-Люиса желали предупредить обнародованіе ноты Антонелли.

«Отвѣтъ римскаго двора безспорно составленъ съ большою ловкостью и тонкостью, которая характеризуетъ всѣ бумаги Ватикана. Эта нота не принимаетъ и не отвергаетъ ничего; она считаетъ сдѣланнаго Франціей предложенія извѣстнаго рода принужденіемъ и притѣсненіемъ, оставляя за папою право судить по ходу событій, искренно ли раскаяніе, и достаточно ли искупленіе. Она не придаетъ большой важности словамъ и ожидаетъ фактовъ.

«Депеша кардинала Антонелли касается также депеши Друзъ-де-Люиса съ ѣдкой критикой и тонкою проноіей. Объявляя, что онъ не находитъ въ этой нотѣ никакихъ основаній для положительнаго рѣшенія вопроса, кардиналъ Антонелли указываетъ на ничтожность франко-итальянской конвенціи. Римское правительство объявляетъ, что оно не видитъ выгодъ и гарантіи, предложенныхъ въ этой нотѣ. Перенесеніе столицы изъ Турина во Флоренцію несколько не есть ручательство за то, что мѣстопробываніе правительства не будетъ перенесено изъ Флоренціи въ Римъ. Напротивъ, легкость, съ какою рѣшается въ настоящемъ случаѣ туринское правительство, позволяетъ вѣрить въ возможность этого послѣдняго предположенія. Общанное Пьемонтомъ невмѣшательство не имѣетъ никакой важности въ глазахъ св. престола, пока удовлетвореніе за нарушеніе цюрихскаго трактата не представило лучшихъ гарантіи уваженія къ международнымъ соглашеніямъ.

«Римскій дворъ не знаетъ, на что можетъ ему пригодиться правительство Пьемонта противъ возможныхъ нападений, потому что не чувствуетъ въ себѣ готовности поручить свою защиту своему явному врагу.

«Подъ выжидаемымъ ходомъ событій въ Римѣ, можетъ быть, разумѣютъ рѣшеніе итальянскаго парламента, который уже провозглашалъ Римъ столицей Италіи. Можетъ быть также, желаютъ подождать окончанія двухъ-лѣтняго срока, чтобы удостовѣриться въ томъ, что въ Италіи восстановлена правильная политическая жизнь, и что итальянское правительство способно смирять необузданныя страсти.

«И такъ, папское правительство не желаетъ теперь сказать своего мнѣнія о событіяхъ; для него безразлично, останется ли пьемонтское правительство въ Туринѣ, или будетъ перенесено во Флоренцію. Если Италія желаетъ принять, въ отношеніи Франціи, обязательство, что она не будетъ нападать на папскую территорию и будетъ препятствовать заговорамъ на своей собственной территоріи, то Риму кажется довольно странною необходимостью заключать конвенцію для принятія обязательствъ, и безъ того налагаемыхъ международнымъ правомъ. Франція можетъ искать гарантіи для дѣла, которое создано ею; но въ увѣреніи, что права Рима будутъ уважаемы, Римъ еще не можетъ видѣть уступки, которая обязывала бы его къ чемунибудь. Очищеніе Рима касается только французскаго правительства, потому что самое занятіе было внушено ему собственнымъ интересомъ.

ТУНИСЬ. Газета «*Eugore*» сообщаетъ по телеграфу изъ Марсели, отъ 15-го (3-го) октября. «Вой-

ска бея далъ 12-го числа большое сраженіе мятежникамъ и нанесли имъ полное пораженіе. Мятежники потерпѣли значительную потерю убитыми и ранеными. Тунисскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Церуха взялъ въ плѣнъ многихъ инсургентовъ. Нѣкоторые изъ мятежниковъ изъявили готовность положить оружіе. Суза находится теперь во власти бея, и черезъ это восстановлены торговыя сношенія съ другими городами». По словамъ марсельской газеты «*Sémaphore*», войска бея, напротивъ того, потерпѣли полное пораженіе: лагерь ихъ разбѣянъ, самъ генералъ обратился въ бѣгство, и инсургентамъ достались девять пушекъ.

ТЕЛЕГРАФИЧЕСКІЯ ДЕПЕШИ,

полученныя въ С.-Петербургѣ.

Лондонъ, 18-го (6-го) октября, вечеромъ. По извѣстіямъ изъ Нью-Йорка отъ 8-го октября, на сѣверномъ берегу рѣки Джемсъ происходили новыя стычки, не давшія никакихъ рѣшительныхъ результатовъ. Федералисты разбиты и подверглись преслѣдованію близъ Салтвилля въ Западной Виргиніи; разбиты тоже и сепаратисты, дѣйствовавшіе въ тылу генерала Шермана.

Туринъ, 19-го (7-го) октября, вечеромъ. «*Italia Militare*» опровергаетъ распространившіеся слухи объ уменьшеніи арміи, и говоритъ, что увольненіе нѣкоторыхъ частей арміи въ безрочный отпускъ есть только финансовая мѣра, но что кадры остаются неприкосновенными и что отпущенные солдаты могутъ быть призваны на службу въ нѣсколько дней.

Нюрнбергъ, 10-го (22-го) октября. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, выѣхавъ изъ Дармштадта 6-го (18-го) октября въ Карлсруэ и оттуда въ Штутгартъ, гдѣ пробылъ два дня, вчера вечеромъ прибылъ сюда и останется здѣсь до завтрашняго дня.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ ПО ЗАКАТАЛЬСКОМУ ОКРУГУ.

КАКЪ МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ БУДУЩАГО ИСТОРИКА.

Статья первая.

Поставивъ себѣ цѣлью возможно близкое ознакомленіе съ нравами, обычаями и вообще съ образомъ жизни и потребностями туземцевъ закаतालскаго округа, съ тѣмъ, чтобы результатами нашихъ трудовъ подѣлиться съ читателемъ, мы увидѣли возможность, для изслѣдованій нашихъ, выбрать только племя, если не господствующее теперь *de facto*—то по крайней мѣрѣ господствовавшее прежде и сохранившее до сихъ поръ, въ силу прежняго авторитета, моральное превосходство надъ своими сосѣдями—т. е. выбрали джарскихъ лезгинъ.

Каждый согласится, что точное знаніе настоящаго какого нибудь народа, безъ знанія его прошедшаго—немыслимо; что настоящее являетъ въ себѣ только лишь результаты и послѣдствія причинъ—другихъ фактовъ—болѣе или менѣе сокрытыхъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ; что оно есть, такъ сказать, логическій и строго послѣдовательный выводъ изъ прошедшаго, пережитаго. Если мы возьмемъ какую нибудь отдѣльную личность, и пожелаемъ узнать, почему она въ данномъ случаѣ поступила такъ, а не иначе; почему она къ извѣстному факту или понятію отнеслась такъ, а не иначе—то отвѣтъ на это должны искать только въ прошедшемъ, пережитомъ ею, т. е. въ тѣхъ сокрытыхъ и нерѣдко отдаленныхъ причинахъ и побужденіяхъ, на которыхъ построена вся жизнь взятаго субъекта—физическая и нравственная. Отсюда видно, что для разумнаго пониманія и правдивой оцѣнки характера, образа дѣйствій и положенія взятой личности, необходимо знать ее въ ея прошедшемъ, со всеми обстоятельствами, наложившими свой отпечатокъ на нее. Отпечатокъ этотъ и есть причина и побужденіе, которыя впоследствии, нерѣдко безъ сознанія самой личности, руководятъ ею и придаютъ ей характеру особенный личный, индивидуальный отъзвонъ, составляющій особенность (оригинальность) каждаго человека. Безъ знанія же прошлаго, мы только будемъ знать факты, но не поймемъ данныхъ, на которыхъ они построены; будемъ видѣть одни неосмысленныя явленія; не поймемъ почему существуетъ такой фактъ

а не другой; почему взятая личность дѣйствуетъ, такъ, а не иначе, почему ей нравится то, а не нравится другое: почему она одного любитъ, другаго боится и т. д. Какъ знаменательно прошедшее въ осмысленномъ настоящемъ и будущемъ каждаго индивидуума, каждаго человѣка, такъ же велико оно и для цѣлаго народа. Было время, когда человѣкъ, отыскивая причины какого либо явленія, не могъ отрѣшиться отъ метафизическихъ и абстрактныхъ силъ, и тогда отвѣтъ давался легко, даже слишкомъ легко для того, чтобы имѣть какое либо значеніе. Естественныя науки, статистика и послѣдняя историческая школа не только обрушили авторитетъ прежнихъ толкованій, но даже,—что было гораздо труднѣе,—указали новый способъ и путь, по которымъ только и могутъ быть находимы законы, управляющіе судьбами человѣка, обусловившіе существованіе и свойства самыхъ причинъ; изслѣдованіе этихъ законовъ выпало на долю исторіи. Однако, оставляя въ сторонѣ исторію и ея назначеніе, мы обратимся къ нашему предмету, отъ котораго мы хотя и не отступали, но зато вдались въ объясненія нашего взгляда. — Мы это сдѣлали только для того, чтобы дать читателю понять, съ какой точки зрѣнія мы относимся къ предмету, служащему темой для настоящей статьи.

И такъ, для разумнаго пониманія настоящаго, необходимо знать предшествовавшее ему; для того, чтобы понять настоящее положеніе и потребности джарскихъ лезгинъ, ихъ характеръ, ихъ образъ мыслей, направленіе ихъ нравственнаго и умственнаго развитія, ихъ коллективныя индивидуальныя особенности—необходимо знать ихъ прошедшее, ихъ исторію. Но легка ли это задача? Выполняли ли она наконецъ? Мы полагаемъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ для насъ—*нѣтъ*, или *почти нѣтъ*; «такъ незачто и браться» — подумаетъ читатель. Но съ этимъ мы не согласны. Если мы не имѣемъ возможности выполнить эту задачу со всею точностью и соответственно требованіямъ исторіи, то по крайней мѣрѣ, съузивъ ее, рѣшимъ настолько добросовѣстно и точно, насколько позволитъ намъ тѣ обстоятельства, которыхъ мы измѣнить не въ силахъ, которыя сковываютъ наши желанія до весьма умѣренныхъ предѣловъ.

Если бы кто имѣлъ возможность взять на себя трудъ изслѣдовать прошедшее цѣлаго лезгинскаго народа, собрать всѣ историческіе памятники лезгинъ, ихъ мифы и саги, ихъ поэзію и преданія — сказочныя и дѣйствительныя, ихъ пѣсни, поговорки и притчи, ихъ предрасудки, обычаи, обряды и все то, что легло въ основаніе ихъ быта—онъ могъ бы написать исторію этого народа. Изучить же все это мы не имѣемъ никакой возможности.—Гдѣ искать источниковъ? Развѣ только рассказы изъ устъ рассказчика переносить на бумагу, не ручаясь за ихъ вѣрность?—Письменности лезгинъ не имѣютъ. Если и говорятъ, что однимъ изъ слѣдствій изобрѣтенія письма было то, что память человѣка отчасти пострадала въ своей силѣ, то въ настоящемъ случаѣ укоръ этотъ рѣшительно не у мѣста—ни письменности, ни памяти! Мы не знаемъ, много ли есть у лезгинъ вообще историческихъ рукописей? но знаемъ почти навѣрно, что у джарскихъ лезгинъ есть только одна, написанная на арабскомъ языкѣ. При такомъ отсутствіи письменности, задача еще болѣе усложняется. Изустныя рассказы добываются съ великимъ трудомъ. Замкнутость и молчаливость, вслѣдствіе недовѣрія, можетъ быть, — самыя рѣзкія черты въ характерѣ лезгинъ, и поэтъ не могъ придумать ему лучшаго эпитета, какъ «задумчивый». Лезгинъ очень неохотно дѣлятся своими воспоминаніями, и ежели бы не боязнь утомить вниманіе читателя, мы бы могли рассказать очень много курьезовъ, случившихся въ теченіи трехъ лѣтъ, по поводу собранія нами матеріаловъ. Кромѣ того джарскіе лезгинъ—отдѣлившаяся часть отъ цѣлаго лезгинскаго племени; и изслѣдовать ихъ отдаленное прошлое, коснуться даже мифическихъ временъ, какъ то намъ было бы желательно, значить—коснуться

съ этой стороны всего лезгинскаго народа. Это послѣднее—можетъ быть, было бы лишь отчасти возможнымъ, если бы мы имѣли для нашихъ изслѣдованій весь народъ, со всеми его памятниками изустными и письменными. Но мы можемъ имѣть дѣло только съ джарскими лезгинами, съ оторванной частью цѣлаго; слѣдовательно, съ сферой, которая можетъ дать весьма малое количество матеріаловъ, даже владѣя которыми, было бы невозможно изучить прошедшее цѣлаго народа. Поэтому мы, согласуясь съ средствами, можемъ и хотимъ дать матеріалы, для изслѣдованія прошедшаго только джарскихъ лезгинъ, и то большей частью только времени, какъ они вышли изъ горъ, отдѣлились отъ горскихъ лезгинъ и поселились въ долину Алазани; при этомъ однако не упустимъ изъ виду заглянуть въ ихъ прошедшее, до раздѣла, какъ только къ тому предстанетъ удобный случай.

Здѣсь мы находимъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ по поводу матеріаловъ такого рода вообще. Послѣ того какъ человѣкъ изобрѣлъ и отчасти усовершенствовалъ членораздѣльную рѣчь, языкъ и религія составили первую главнѣйшую нравственную особенность каждаго народа. Въ это первобытное время языкъ выражалъ не многое; онъ выражалъ только то, что занимало человѣка, что входило въ его область мышленія. Очень естественно, что первое вниманіе человѣка обратилось на тѣ явленія природы, которыя оказали на него прямое свое вліяніе, отъ которыхъ зависѣло его существованіе. Человѣкъ сталъ боготворить солнце и луну, огонь, воду и землю, разныхъ полезныхъ или чудовищныхъ животныхъ и пр. Явилась религія; она дала сильный толчокъ фантазіи и творчеству; боготвореніе облеклось въ поэтическую форму. Поэзія эта, возникнувъ въ доисторическую, мнѣнческую эпоху, когда умъ человѣскій стоялъ на весьма низкой степени своего развитія, называется поэзіей естественной, безыскусственной; въ ней укладывалась вся *дѣйствительная* жизнь народа—и религіозная, и нравственная и умственная. Отсюда мы видимъ, какимъ необходимымъ матеріаломъ она служитъ для изученія жизни народа. Главной формой первобытной поэзіи былъ эпосъ. Въ ка проходить, жизнь шла неостанавливаясь, народы жили и переживали многое. Но человѣкъ былъ еще въ младенствѣ: событія только поражали его фантазію, его воображеніе. Онъ въ этомъ случаѣ походилъ на дитя: когда дитя читаетъ какую нибудь книгу, положимъ, романъ, то запоминаетъ изъ прочитаннаго тѣ только мѣста, которыя подѣйствовали на его воображеніе. Такъ и младенческой человѣкъ: изъ пережитаго онъ удерживалъ въ памяти только тѣ событія, которыя дѣйствовали на него такъ, какъ какая нибудь прочитанная въ книгѣ, ужасная сцена—на ребенка. Чтобы воспоминанія легче удерживались въ памяти, ихъ обыкновенно группируютъ около какой-нибудь личности; нерѣдко они связаны съ названіемъ какого нибудь города, урочища, рѣки и пр. Воспоминаніе объ этихъ событіяхъ, изъ временъ очень отдаленныхъ, являются въ формѣ мифа, потомъ эпоса, преданія—и чѣмъ къ болѣе отдаленному времени они относятся, тѣмъ смыслъ ихъ становится болѣе и болѣе затемненнымъ, неяснымъ. Запутанность и неясность эта произошла отъ того, что преданія передавались изъ поколѣнія къ поколѣнію изустно; рассказчикъ нерѣдко принаравливалъ ихъ къ своему вкусу или къ вкусу слушателей. Преданія эти облекались въ болѣе поэтическую форму и явилась пѣсня. Изъ какого либо событія вытекало правоученіе и произошла притча и поговорка. Такого рода преданія уже питали и умъ и нравственность человѣка.

Владѣя такого рода матеріалами изъ жизни каждаго нибудь народа, можно легко прослѣдить не только всю его давнопрошедшую доисторическую жизнь, и, такъ сказать, уловить всѣ его національныя особенности, но даже, если можно такъ выразиться, прослѣдить весь нравственный и умственный ростъ этого народа; тутъ были бы видны: его религія, его симпатіи и антипатіи, его стра-

сти и наклонности, и вообще всѣ тѣ коллективныя индивидуальныя особенности, которыя составляютъ національность.

Народъ вообще дорожитъ своимъ эпосомъ, своимъ преданіями такъ же, какъ дорожитъ и своими обычаями. Корень учрежденія послѣднихъ обыкновенно кроется въ дорогомъ воспоминаніи историческаго или нравственнаго эпизода. Не смотря однако на это, бываетъ, что народъ, не имѣющій письменности, передъ силой какихъ либо гигантскихъ новыхъ событій, разстается съ прежними воспоминаніями и обычаями. Такъ, наши лезгинъ, съ принятіемъ ислама, почти совершенно отрѣшились отъ прошлаго—самое отдаленное, извѣстное намъ преданіе не переходитъ за первую гиждру. Новая вѣра овладѣла всѣмъ существомъ мусульманъ и не оставила мѣста, ни въ ихъ воспоминаніяхъ, ни въ ихъ убѣжденіяхъ ничему, что чуждо ей; преданія же, уцѣлѣвшія подъ ударами вѣры и новыхъ интересовъ, являются сбивчивыми и фантастическими и часто отнесены къ позднѣйшему времени, какъ напр. преданіе объ амазонкахъ. Впрочемъ, объ немъ мы скажемъ на своемъ мѣстѣ. Отъ этого разрыва съ прошедшимъ, увеличивается и самая трудность, съ какою можно было бы собрать указанные здѣсь матеріалы; она еще болѣе усложняется отъ того, что джарскіе лезгинъ, составивъ отдѣльную республику, мало по малу отчуждались отъ своей метрополи не только въ текущемъ, но и въ прошедшемъ времени: появились новыя преданія, новыя пѣсни и сказки—и овладѣли памятью и вниманіемъ, въ ущербъ воспоминаніямъ о давнопрошедшемъ.

Придетъ время, когда лезгинъ будутъ имѣть своего историка. Онъ, собирая матеріалы о нихъ, будетъ искать ихъ прежде всего въ *русской* литературѣ, предполагая что Россія, покоривъ лезгинъ, обратила вниманіе на ознакомленіе съ ними; онъ будетъ искать трудовъ серьезныхъ: онъ не удовлетворится лишь брошюрами и статейками, съ приправой разныхъ отечественныхъ красовъ, предположить, что ознакомленіе должно было быть не ради одного лишь любопытства, а ради самой пользы побѣдителей и побѣжденных; онъ предположитъ, что Россія, покоривъ лезгинъ, старалась объ устройствѣ ихъ быта, согласно характеру и нуждамъ народа, не насилуя ихъ нравственнымъ образомъ—искусственной прививкой на авось чуждыхъ и не свойственныхъ порядковъ и учреждений,—и историкъ будетъ знать, что все это, безъ знанія народа, немисливо. Конечно, онъ не будетъ требовать всего этого тотчасъ за совершившимся фактомъ покоренія (и хорошо сдѣлаетъ: трудъ былъ бы напрасенъ), а по прошествіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени.. Въ самомъ дѣлѣ: до 1859 г., мы знали лезгинъ, какъ враговъ, удивлялись ихъ физической ловкости, фанатизму и любви къ родинѣ.... и на этомъ оканчивается все наше знакомство съ ними. Но то было время войны, время кровавое, время обоюдной вражды. Теперь оно кончилось; началась другая жизнь—для мира и любви.. Новая жизнь породила новыя требованія, удовлетвореніе которыхъ питаетъ самую жизнь.

Мы не хотимъ и не можемъ писать исторію, по тѣмъ не менѣе имѣемъ право надѣяться, что настоящей трудъ нашъ, какъ результатъ нашего ознакомленія съ джарскими лезгинами, будетъ признанъ историкомъ годнымъ для него матеріаломъ,—по крайней мѣрѣ мы того искренно желаемъ,—и постараемся сдѣлать его полезнымъ на столько, на сколько это въ нашей власти. Трудъ этотъ, поставленный одиноко передъ требованіями, заявленными нами отъ лица историка, будетъ однако ничто иное, какъ одинъ, добытый изъ нѣдръ земли, дикій камень въ рукахъ архитектора, желающаго воздвигнуть дворецъ и не имѣющаго другихъ матеріаловъ. Но ежели за изслѣдованія такого рода примутся многіе, будутъ накоплять матеріалы, и они сохранятся для будущаго историка, то этотъ послѣдній, можетъ быть, найдетъ въ нихъ многое. Намъ было бы очень желательно, чтобы мы не одни трудились, чтобы голесъ нашъ не былъ только *pia desideria*; ибо въ такомъ

